

рѣдко сплошнымъ ковромъ залегавшей на десятки верстъ по сторонамъ дороги. Сульхиръ уродился также прекрасно, о чемъ свидѣтельство-вали часто сложенные скирды этого дикаго хлѣба. По словамъ пре-старѣлыхъ монголовъ, подобные урожайные годы случаются разъ въ сто лѣтъ, поэтому не всѣ поколѣнія монголовъ могутъ видѣть свою „пустыньку“ въ такомъ богатомъ убранствѣ. По случаю тѣхъ же обиль-ныхъ дождей на нашемъ пути, по низинамъ, то и дѣло попадались не только оголенные блестящія поверхности, но даже и лужи сохра-нившейся воды. Порою заставляли обращать на себя вниманіе одиночки или небольшія группы робкихъ хара-сультъ, граціозными прыжками ис-чезавшихъ вдали, рѣже взлетали дрофы или съ шумомъ бури проно-сились надъ головой пустынные-больдуруки. На сѣверо-западѣ изъ отдаленныхъ высотъ и горъ миражъ — „этотъ злой духъ пустыни“ — строилъ цѣлыя системы хребтовъ фантастическихъ очертаній. Наконецъ открывается видъ на углубленную часть равнины, среди которой опыт-ный глазъ легко распознаетъ ожидаемый колодець.

Впрочемъ теперь, когда у всѣхъ одно стремленіе скорѣе попасть въ Ургу, насъ не страшили ни какіе переходы. О полученіи какой бы то ни было корреспонденціи мы уже не мечтали, о временной стоянкѣ также; мы знали только два состоянія: днемъ сидѣть на верблюдѣ или лошади, ночью спать. Поэтому мы всѣ были крайне поражены не ожи-даннымъ пріѣздомъ вслѣдъ за нами, на колодець Уланъ-таталь, рус-ско-подданнаго таранчи Касимъ-ахунъ Абдулвагапова, командирован-наго Императорскимъ россійскимъ консульствомъ въ Урумчи, какъ значилось въ бумагѣ, переданной мнѣ посланцемъ, „для розысканія членовъ и слѣдовъ экспедиціи, покинувшей Россію въ 1899-мъ году подъ начальствомъ поручика Козлова“. Со словъ, порядочно гово-рившаго по-русски Абдулвагапова мы поняли, что въ апрѣлѣ 1901-го года въ Урумчи появился монголъ ¹⁾ съ вѣстью о гибели на-шей экспедиціи гдѣ то въ Восточномъ Тибетѣ. Объ этомъ монголъ открыто говорилъ всѣмъ встрѣчнымъ на базарѣ людямъ и смѣло под-твердилъ при личномъ допросѣ консулу В. М. Успенскому. Нѣкоторое довѣріе къ себѣ пришелецъ пріобрѣлъ, согласно показанію Касима, толковыми разсказами о членахъ экспедиціи, о ихъ дѣятельности въ пути, съ допустимымъ подробнымъ изложеніемъ о томъ между про-

1) Впослѣдствіи выяснилось, что монголъ этотъ былъ никто другой, какъ нашъ же экспедиціонный служащій—проводникъ В. О. Ладыгина, одинъ изъ тѣхъ двухъ ламъ-паломниковъ въ Тибетъ, о которыхъ я упоминаю на страницахъ 74—181 и 182 первой части.